

В. А. Сулимов

Формирование мировоззрения: от осознания к логосу

УДК 008+37.01

В статье делается попытка определить мировоззрение как феномен современной культуры. Автор сближает мировоззрение с интеллектуальными и духовными практиками, демонстрирует его процессуальный характер. Особое место уделено структуре и способам формирования мировоззрения.

Ключевые слова: мировоззрение, субъект, смысловая матрица, текст культуры.

V. A. Sulimov. Formation of outlook: from awareness to logos

This article attempts to define the world as a phenomenon of modern culture. The author brings the world with intellectual and spiritual practices, demonstrates its procedural nature. Particular attention is paid to the structure and methods of forming outlook.

Key words: outlook, personality, sense matrix, text culture.

Мировоззрение как элемент социально-культурного анализа и моделирования личности (или=человека-в-культуре) все еще остается понятием недостаточно определенным в философии и культурологии, педагогически и практически не выстроенным, часто излишне политизированным, а то и демагогически «заболтанным».

Настоящая статья представляет собой попытку определить, во-первых, структуру и базовый смысл этого понятия, во-вторых, наполнить его культурологическим и педагогическим содержанием, показать его место в образовательном процессе.

Движение к осознанию мира — есть естественное состояние человеческой субъективности («я», «эго», «самости», «индивидуальности», «личности» и т. п.) в любом понимании разнородных терминов и понятий, свойственных современной персонологии. Личностная па-

радикала бытия (Dasein) с неизбежностью разворачивает человека лицом к процедуре осознания мира как целого, как оболочки собственного, осваиваемого и проживаемого, сенсорно ощущаемого, пространства/времени. Ведомый неосознаваемым чувством познания, человек выстраивает свою директорию жизни (движения в пространственно-временном континууме) в пределах интеллектуально-миметического варианта понимания (и=повторения) известных, «чужих» высказываний, суждений и целостных текстов, обладающих достаточным социально-культурным авторитетом и информационной (кодовой) доступностью. Вырабатываемая таким способом базовая (или=частичная) картина мира не отвечает на основные вопросы интеллектуального и духовного развития и потому должна быть существенно «отформатирована» в ходе специальной интеллектуальной деятельности целевого самопознания: «самопознания для», в отличие от повседневного ситуативного «самопознания в». Осуществление интеллектуального «самостояния» (А. С. Пушкин), требующее набора сложных интеллектуальных и духовных практик, обязательно переносит сознание человека в новый для него контекст — контекст культуры как упорядоченного и систематизированного поколениями интеллектуалов информационного устройства. Это информационное устройство порождено текстами культуры и состоит из текстов культуры, способных генерировать новые смыслы и новое знание путем реализации основного типа опыта — опыта понимания (интерпретации). Особый мир смысловой коммуникации, работающий по глобальным осям познания (познание «я в мире», «мир во мне» и «мир как таковой»), совершенно необходим для идентификации личности в пространстве культуры в плане того «что она может сообщить миру и что мир может сообщить ей» [5, с. 177]. А. Маслоу понимал смысловую коммуникацию на глобальных осях понимания очень широко: «Я включаю сюда все процессы восприятия и обучения, так же как все формы искусства и творчества, рассматриваю как познание на уровне первичных процессов (архаическое, мифологическое, метафорическое, поэтическое), так и вербальную, рациональную коммуникацию, осуществляемую на уровне вторичных процессов» [5, с. 177].

Важно и другое: место мировоззрения как целостного познавательного акта в духовной и интеллектуальной сферах человеческой формы сознания. Природа или дух, опыт или экзистенциальные ощущения — что формирует предпосылки для становления мировоззрения? По всей видимости, здесь важен синтез, особое со-отношение

интеллектуального и духовного, когда бездуховность позитивного знания «перезагружается» в структуры естественного сознания в виде ценностно-ориентированных блоков-гештальтов, содержащих научный факт, высказывание, целостную теорию в аксиологизированных и эстетизированных формах — формах текстов культуры. Так, например, учебные курсы теоретической генетики и геномной инженерии вполне могут содержать философско-культурологические дискурсы ценности и трансцендентальной природы человеческой жизни, эмоционально окрашенного экзистенциального ощущения неповторимости мира природы и культуры, что поможет преобразовать отрывочные знания учащихся о биологических механизмах в фрагмент целостного мировоззрения человека-в-культуре. Нетрудно выстроить такие же культурологические парадигмы в пределах предметов ядерной физики, географии, биологии океанов, тем более истории и обществознания, которые, к сожалению, все более приобретают позитивистские и идеологизированные черты. Мировоззренческий акцент позитивного (фактического, чувственного) знания реализует известный принцип единства духовного и научного в пределах современной постиндустриальной культуры: «...наука, инновационная деятельность требуют для своего развития не только серьезных инвестиций, но и благоприятной социальной и духовной атмосферы. Иначе говоря, духовность и активная интеллектуальная деятельность не только не являются антагонистами во всех случаях, но могут взаимно подкреплять друг друга» [4, с. 137].

Мировоззрение предстает как результат синтетической деятельности сознания, способной порождать целостные миры и системы. Когнитивный синтез, выступающий в виде динамического основания мировоззрения, преобразует неподвижную картину мира в особый познавательный процесс, имеющий также чувственно-экзистенциальную «подложку». Когнитивный синтез мировоззрения как познавательного процесса, согласно Э. Гуссерлю, «не только осуществляется во всех отдельных протекающих в сознании переживаниях и не только случайным образом связывает их между собой; ведь и вся жизнь сознания, как мы уже говорили, образует синтетическое единство... (Оно) есть, таким образом, универсальное *cogito*, синтетически объемлющее в себе все отдельные, попеременно выступающие на первый план переживания, обладающее своим универсальным *cogitatum* и фундированное на различных уровнях в много-

образии особых *cogitata*» [3, с. 42]. Такое многоуровневое когнитивное «фундирование» интеллектуально обоснованной подвижной картины мира (или=мировоззрения) имманентно не только человеку как универсальному субъекту развивающегося мира, но и самому миру как универсальной сценической площадки истории, на которой разыгрывается драма индивидуального бытия. Э. Гуссерль писал в «Картезианских размышлениях»: «Это фундирование не следует, однако, понимать как некое осуществляемое во временной последовательности генетическое построение, поскольку каждое отдельное переживание возникает, скорее, лишь в результате его выделения внутри всеобъемлющего сознания, которое всегда уже предполагается как единое. Универсальное *cogitatum* есть сама универсальная жизнь в ее открыто-бесконечном единстве и целостности» [3, с. 43].

Таким образом, определяя мировоззрение в качестве сложного духовно-ценностного и, одновременно, интеллектуально ориентированного понимания, мы говорим о нем как о когнитивном синтезе не отражающем, не наблюдающем жизнь, а всегда включенном в бытие, вырастающем из него и врастающем в него. Это не «картина мира», это «проживание мира» в наиболее ярких интеллектуальных и духовных формах.

Следует осознать, что возможности мировоззрения как «расширенной», многоаспектной, текст-ориентированной универсальной каузации не могут быть реализованы ни в рамках политической идеологии, как правило, лишенной смысловой и социально-экономической «подложки» и принципиально не транслируемой культурой в межпоколенческом варианте, ни в рамках дисциплинарного парадигмального знания, ограниченного задачами «предметного» (всегда — частичного или гипертрофированного) представления мира. Мировоззрение — это не набор идеологем, а актуализированный и каузированный социально-культурный габитус, образовавшийся на основе «природного» габитуса, предоставленного интериоризированным способом существования и контекстом того социального «поля» (национального, семейного, группового, интеллектуального), продуктом которого является данный субъект. П. Бурдьё определил габитус как «продукт характерологических структур определенного класса условий существования, т. е.: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между

полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. п.)» [1, с. 86].

Именно в виде габитуса возникает начальная социально-культурная каузация, предполагающая, конечно, информационную и аксиологическую надстройку в виде креативной единицы — социально-культурной личности, однако не предполагающая слом либо катастрофический разрыв, практически неизбежный при переходе «социального тела» индивидуума из индивидуально ориентированного (проживаемого) социального пространства культуры в индивидуально осмысливаемое (понимающее) интеллектуальное пространство культуры. Система социально-культурной каузации «выдерживает», как правило, нагрузки перемен, экономической и социальной нестабильности, часто возникающие в условиях рыночного типа организации производства и распределения. Более того, обосновавшись в индивидуальном сознании, мировоззренческие смысловые элементы *активно влияют* на построения индивидуумом своего «типа реальности», расширяя тем самым поле культурно-созидательной и проектной деятельности.

Мировоззрение не формируется из произвольно избранных информационных источников, не воспринимается как «чужой» проект и не выучивается как набор позитивных «знаний». Мировоззрение постигается в ходе чувственного ощущения интеллектуальных изменений, происходящих в индивидуальном сознании под воздействием текстов культуры. Такое предположение позволяет связать в единое целое три эпифеноменальных источника мировоззрения как имманентной основы индивидуального сознания. Эти три источника можно представить в виде трех информационно-коммуникативных областей, составляющих повседневность массового образования:

а) *область текстов культуры*, охватывающих исторический процесс становления национального семиозиса, очерчивающих границы семиосферы (границы — всегда область порождения смыслов), демонстрирующая тезаурусный контекст действующего (актуального) сознания человека-в-культуре (пределы социально-культурной заданности);

б) *область интеллектуальных практик*, позволяющих осваивать интеллектуальное пространство современной культуры (систему позитивных и философско-культурологических знаний), информацион-

ное пространство современной культуры (систему электронных коммуникаций, интернет, электронные базы данных), коммуникативное пространство современной культуры (информационные и сетевые сообщества, коммуникативные проекты, варианты научной, художественной и личностной коммуникации, телевизионные и массмедиа технологии;

в) *область социальных практик*, охватывающую специальную коммуникацию, гражданскую и правовую активность, социально-культурное проектирование.

«Эпифеноменальность» этих областей объясняется тем обстоятельством, что они не образуют активную действующую творческую личность автоматически — в условиях отсутствующего мотивирующего элемента сознания — некоторого интеллектуально-чувственного мифа *оправдания собственного бытия*, а концентрируют информационно-аналитический материал, который может быть использован для фундаментации личностно мотивированного мировоззрения. Такая фундаментация требует нравственного усилия, точно так же, как приобретение нового человеческого качества всегда требует пренебрежения чем-либо и/или утраты чего-либо. Личность, открытая, инкорпорированная в мировоззрение, есть сознательный акт преображения, требующий, конечно, немалой духовной энергии. Именно здесь *духовность* и *интеллектуализм* составляют матрицу культурного поведения и культурной деятельности человека-в-культуре.

Поэтому указанными выше областями не исчерпывается пространство, порождающее человека-в-культуре, но триада *текст культуры — интеллектуальная практика — социальная практика* должна составлять основу образовательной деятельности на любых этапах обучения, формируя глобальную систему каузации индивидуального сознания, укоренение которой и приведет к качественному скачку — обретению мировоззрения как устойчивой, динамичной и трансформирующейся (с развитием культуры, со сменой когнитивных или системных координат), действенной (активированной) картины мира, содержащей в сердцевине своей значимый элемент духовности. Представим схему такой системной каузации:

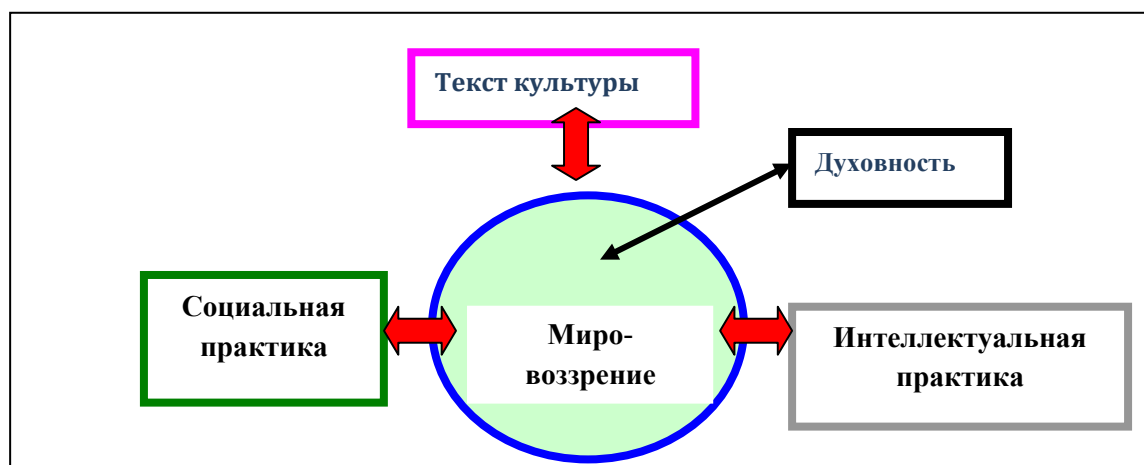

Схема 1

Местом существования системной каузации индивидуального образа мира (фактически — способом его оправдания) оказывается собственно мировоззрение как универсальный регулятор осмысленности [8]¹. Согласно Ж.-М. Шефферу, в конечном счете, экзогенной по своей природе идеологической составляющей (фактически политическому мифу или когнитивному насилию), мировоззрение противопоставляет эндогенную «матрицу понимания», построенную на интериоризированных элементах смысла: «оно компенсирует дисфоричность всего не соответствующего ему, показывая, что это всего лишь локальные и преходящие явления» [8, с. 308]. Очевидно, что погруженное в область духовности мировоззрение испытывает информационный нажим, поступающий от трех эпифеноменальных областей (текстов культуры, социальных и интеллектуальных практик). Это воздействие настолько существенно (особенно в их сочетании), что приводит человека к ситуации нравственного выбора, душевного движения, повседневных перемен. Такой, «очеловеченный», характер каузации хорошо иллюстрирован, например, блестящим романом В. Каверина «Два капитана», где решение главного героя стать полярным летчиком подкрепляется сильной нравственно-психологической доминантой поиска пропавшей экспедиции капитана Татаринова. Мировоззрение явно и определенно формируется в условиях нравственного выбора.

Мировоззрение из относительно статической картины мира (предполагающей нечто стабильное, «семиосферное») все более пре-

¹ Не осмысленная система расширенных (вторичных, ассоциативных) каузаций есть миф, традиционный, политический или социальный.

вращается в подвижную смысловую матрицу, включающую внешние (социальные) и внутренние (когнитивные, духовные) элементы, из калейдоскопического смешения которых возникает новая культура интеллектуальной повседневности. *Слом габитусов* в пространстве интеллектуально ориентированного *семиозиса* и их трансформация в систему освоенных индивидуумом когнитивно и социально эффективных интеллектуальных практик есть основной признак современной культуры.

Смысловая матрица (как действующая (и=порождающая) система национально ориентированных интеллектуальных и социокультурных практик)¹ формирует процессуальность познания не на базе ретромифа о системности «идеологического целого», однажды предельно означенного («выученного») и не подвергающегося сомнению, а на основании единственно оправданного мифа — мифа желаемого будущего. Именно так, в перманентном режиме ассоциативно-образного и логико-когнитивного порождения мира, а не в ситуации вынужденного достижения прагматических целей повседневности, по сути дела, перелицованной био-физиологической процедуры выживания или, в другом контексте, ситуации доминирующих *когнитивных теней* — образов прошлого («фонарей заднего вида» по М. Маклюэну). Мировоззренческая инициация (включающая и интеллектуального Демиурга — источник мировоззренческого авторитета) есть акт интеллектуально-аксиологического *преображения*, зачастую намного более важный и адекватный современности, нежели попытка преобразования в религиозном обряде.

Мир повседневности сопротивляется формированию человека-в-культуре. Длительная переходность культуры, с которой мы имеем дело сегодня, означает катастрофическую утрату смыслов. Смыслы бытия растворяются в амбивалентности микшированного информационно-денежного мира. А. Секацкий пишет, что в «иллюзионе» современной экономики «система денежно-информационных обменов воспроизводится как универсальный метаболизм социального организма — круговорота, который после долгой насильственной ассими-

¹ В этом смысле идея построения советской идеологии *Кодекса строителя коммунизма* на основании текста Нагорной Проповеди была актом ничтожения (обнуления) текста-симулякра на фоне бессмертного Текста культуры, входящего в смысловую Матрицу бытия. Цинизм этого действия хорошо, к сожалению, понимали «авторы Кодекса» Г. Х. Попов и А. Аджубей, немало посмеявшиеся над своими действиями в воспоминаниях.

ляции вобрал в себя остатки прежних насильственных метаболизмов: сакрального знания, потлача, мироустроительного жертвоприношения. Ассимиляция, соответственно, сопровождалась подчинением прежних территорий юрисдикция новостей и денег как раз и обеспечивает желаемую прозрачность, разрушая архаические барьеры прежних суверенитетов и обесмысливая ценности, которые не могут передаваться путем облегченных универсальных обменов» [6, с. 32]. Навязанный индивидууму материально-хаптический мир делает его рабом неэффективных способов деятельности, низкого качества жизни и утраты ценностных смыслов, — фактически выводит за пределы культуры, делая его заложником массовидных или субкультурных форм коммуникации и тем самым бесцельного *проживания* своего отрезка исторического времени. Обезличивание человека в глобальной сети «информационных продуктов», невозможность реального выбора ввиду массивированного навязывания «универсальному потребителю» широко рекламируемых версий выбора (т. н. «простых или эффективных решений»)¹, самоорганизация общества в малые недетерминированные большими национально-культурными сообществами (например, этносом, народом, нацией) социально-культурные группы («тусовщиков», одноклассников, земляков, «силовиков», «либералов», «правильных пацанов», сотрудников корпораций, игроков, болельщиков, «ботанов», хакеров, фанов и т. д.), живущих по неписаным, но строгим корпоративным правилам — все это служит постепенной десоциализации, атомизации общества, утрате общих социально-культурных перспектив. Экзистенциальное человеческое начало, замешанное на чувственно-ассоциативной основе и противоречивый экстракорпоральный мир, построенный на хаосе социального, можно объединить только большим интеллектуально-нравственным усилием. И основания для этого усилия находятся в каузативной системе мировоззрения, выстраивающего свою самость на скрещении эк-

¹ Чего только стоит в этом смысле пропаганда (в отношении небольшого круга) и антипропаганда (в отношении громадного круга) высших учебных заведений и специальностей в них, попытка вообще «понизить» социальный статус высшего образования и науки. Эти действия предпринимаются не только отдельными негосударственными образовательными учреждениями, явно ведущими борьбу за символический капитал, но и органами государственной власти и управления, привлекающими для этого странные и даже бессмысленные «критерии оценки эффективности», использующими методы «черного пиара» и т. п. Государственная логика в подобных действиях просто отсутствует.

зистенциального ощущения бытия-в-себе и когнитивного представления *оплотняющейся* (все более сложной, противоречивой и многоаспектной) индивидуальной картины мира. Мировоззрение, таким образом, является «связующим звеном, границей между нонсенсом и смыслом», его «невозможно редуцировать только к рациональному аспекту, актуализирующемуся в концепте «картины мира». В мировоззрение неизбежно входит и субъективный, личностный компонент, реализуемый через единичные акты «всмысливания», «обретения смысла» [2]. Эти акты благодаря своей сверх-интенциональности преобразуют сознание индивидуума в эффективный поисковый инструмент, способный осуществлять выбор, интеллектуально-нравственную обработку и решение сложных научных, социальных и личностных задач¹. Такое преобразованное сознание способно представить образ (проект) желаемого будущего в его личностно-релевантном, приватном и даже интимном инварианте.

Мировоззрение в том виде, в котором оно нами представлено, может быть описано графической схемой, учитывающей его смысловое и функциональное окружение:

Схема 2

Эта схема демонстрирует: (а) относительную независимость компонентов схемы, (б) возможную вариативность качества и степени

¹ В повседневности такое качество человека называют целеустремленностью и ошибочно воспринимают его отдельно от мировоззрения.

выраженности компонентов, (г) идеационную направленность целевых структур сознания, (д) мировоззрение обладает явной виртуальной — символически-знаковой природой, проецируя на себя структуру семиотического треугольника, преобразованного в категориях социально-культурной модели высокого уровня абстракции.

Проект желаемого будущего «рождается» и удерживается в сознании под воздействием мировоззрения как универсального социального антидепрессанта. Мифопоэтические образы экзистенциального восприятия выстраиваются в систему этического совершенствования и эстетического воспроизводства себя-в (мире красоты, мире чувств и/или мире мысли). Этот процесс встраивания индивидуума в виртуальные миры может быть целевым, профессионально-ориентированным. Тогда он являет собой целенаправленную (символическую) деятельность по формированию, присвоению, трансляции и развитию символического капитала как одного из наиболее эффективных способов совершенствования мира. Пьер Бурдьё подчеркивал, что «символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности — чувство социального мира)...» [1, с. 89]. Образование, тем более образование с «креативной подложкой», позволяющее индивидууму создавать тексты культуры (вербальные, невербальные, художественные, научные, технические или конструирующие, *модельные*) есть один из способов наделения этой властью, осмысления себя в обществе в качестве инициативной, действенной, иногда — решающей силы. При этом и действенность, и эффективность символического действия (формирующего символический капитал) будет напрямую зависеть от философско-социального уровня, «задаваемого» мировоззрением, от умения приблизить (детализировать) или удалить (схематизировать) мир в постоянной борьбе за освоение (понимание, принятие) и трансформацию его символических ресурсов. Реализацию этих ресурсов в виде символической деятельности (в т. ч. — художественной) все более принято понимать в виде наиболее динамичной, доступной и всеобъемлющей программы развития человека и общества, неисчерпаемого социального резерва интеллектуально-художественных практик, способных не только фиксировать и «декорировать», но и изменять мир. А. Я. Флиер справедливо считает, что «символическая деятельность и ее продукция в ее основных проявлениях (искусство, религия, этно-

графические ритуалы, социальный этикет) нужны обществу в первую очередь для обучения людей правилам нормативного социального поведения и стимулирования их добровольного исполнения этих правил, демонстрации эталонных примеров одобряемого и осуждаемого поведения, иерархии предпочитаемых ценностных построений и т. д.» [7, с. 80]. Вместе с тем все социальные установления культурной среды, ограничивающие человека в выборе способов осуществления символической деятельности и распоряжения приобретенным символическим капиталом носят рамочный характер (полный произвол языка текстов культуры и произведений искусства ослабляет его трансляционный потенциал, «встраиваемость» в историко-культурную парадигму). Сущностью, смыслом символического производства (творчества) является интеллектуальная и образно-ассоциативная *свобода*, позволяющая работать на границе, в пространстве Между и потому неумолимо ведущая к вечному обновлению культуры.

Одной из наиболее остро поставленных современной социально-культурной ситуацией России проблем есть проблема интеллектуального выбора. Актуальность этой проблемы, напрямую связанной с проблемой формирования мировоззрения, объясняется следующими факторами:

1. Неопределенностью когнитивной политики страны на современном этапе.

2. Фрагментарностью образовательной стратегии, сводимой только к отдельным ссылкам на «международный опыт и практику».

3. Обострением борьбы за символический капитал между группами элит, регионами, «центром» и «периферией», ввиду общего дефицита бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на науку и образование (менее критического порога в 2 % ВВП).

4. Практическим отказом государства и бизнеса от поддержки идеациональных институтов общества (культуры и образования, детского воспитания, информационных систем, СМИ в области образования и культуры, теле-, кино- и книгопроизводства в отношении «немассовых» интеллектоемких культурно-образовательных проектов, например, историко-культурного и документального кино, телевизионных историко-культурных образовательных проектов, учебных фильмов по культуре и

искусству, серий книг по отечественной культуре, культуре регионов для детско-юношеской аудитории и т. п.

5. Снижением государственного и общественного интереса к краеведческой и музейной деятельности, перевод этой деятельности с государственных, профессиональных основ на использование волонтерских, любительских и местных ресурсов.

6. Прекращением государственного финансирования национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов.

Именно эти факторы препятствуют формированию базовых национальных тезаурусных платформ, способствующих ускоренному развитию эффективных интеллектуальных и художественных практик, становлению личностного мировоззрения как креативной *порождающей системы*. В этих условиях возрастает роль регионального управления социально-культурными процессами, выраженная (в том числе) в сильной региональной культурной политике. Эта политика должна быть, на наш взгляд, симметричной структурным и функциональным аспектам мировоззрения и включать:

1. Существенные смысловые основания регионального социально-культурного мифа, его «привязку» к актуальным событиям интеллектуальной и культурной жизни региона. При этом миф не может носить признаки «провинциальной» вторичности, смысловой незавершенности (для Европейского Севера России весьма привлекателен миф об Арктогее (вариант Биармии), который нуждается в очень хорошем научном и художественном обосновании). Этот миф легко «разворачивается» в сторону возможного (желаемого) будущего, включающего в себя образ Северного и Заполярного культурно-научного образовательного (проектного) центров, воспроизводящих наиболее эффективные практики культурной (символической) индустрии как возможности (и=направления) развития и саморазвития человека-в-культуре. «Вперед к Арктогее» («Вперед к Биармии») — есть некоторый прообраз универсального слогана для социально-культурной модернизации.

2. Возможность выбора для интеллектуального и витального развития, решения круга «жизненных проблем» (в данном случае подходят модернизированные, философски обоснованные, культурологически насыщенные вертикали гуманитарного и

технического образования, «разомкнутые» на перспективы широкого межрегионального и международного сотрудничества). Сочетание «оседлого» и «кочевого» (вахтового, дистанционного) способов реализации себя в регионе, объединение региональных и общенациональных значимостей своего социально-культурного бытия (например, в виде создания общероссийских и международных социально-экономических и культурных институциональных кластеров (типа интеллектуальной и культурной / художественной сетевой индустрии, участия в «больших» социально-культурных проектах, не требующих обязательного выезда за пределы региона, а также обязательного приезда в регион на постоянное место жительства и т. п.

3. Определение своей духовно-нравственной позиции в отношении основных политико-правовых и социально-культурных проблем страны и региона, определение *своего места* в решении этих проблем. Фундаментация широкого общественного движения «ориентации на Север», противостоящего любым деструктивным социально-культурным трендам.

4. Готовность к духовному действию во имя решения поставленных перед собой нравственно-этических задач.

С учетом смыслофункциональных системных связей мировоззрения, показанных нами выше, можно представить схему формирования устойчивого мировоззрения в духовном пространстве региона. В ней обязательно должно учитываться соотношение целе-мифа, духовно-ценностных опор и проблемы выбора образовательной парадигмы как акта включения в процесс символического обустройства региона. Очевидно, что стабильность образовательного выбора в условиях северного региона, его направленность на символическое *самостроительство* этого региона обуславливается уровнем взаимодействия мифо-целевых, духовно-нравственных (ценностных) и собственно мировоззренческих элементов индивидуального сознания, а также, конечно, способом представления возможного выбора как нравственного решения. По всей видимости, в этом сопряжении ориентационных действий и заключаются когнитивно-социальные возможности формирования человека-в-культуре в регионе и для региона.

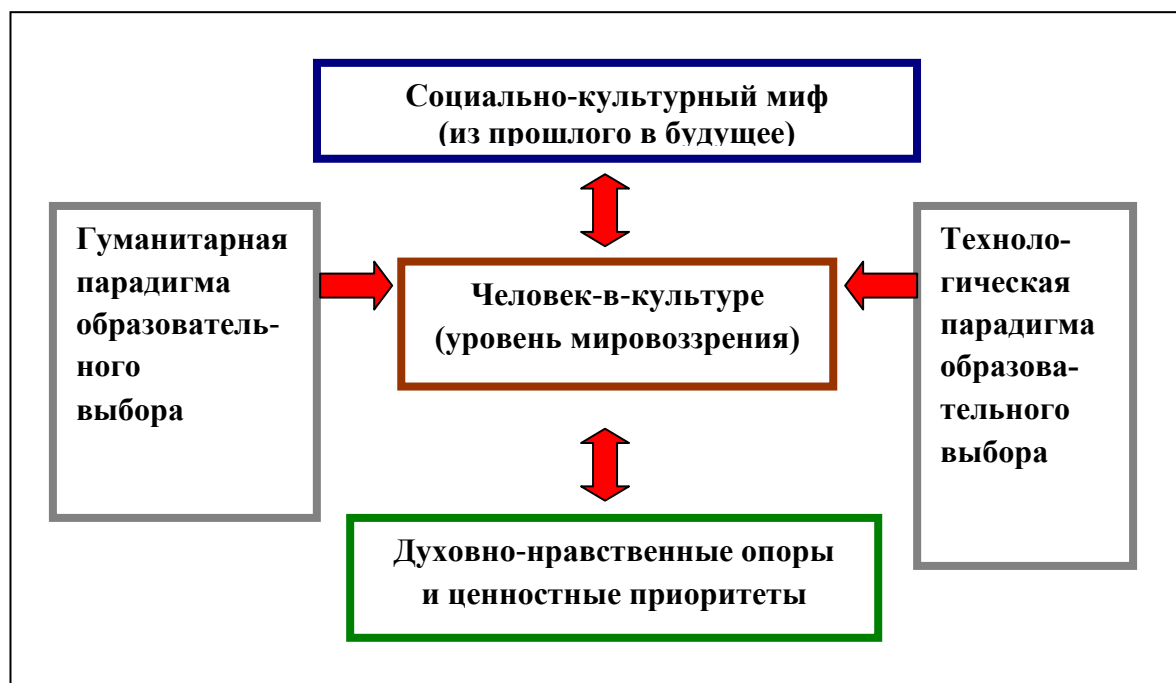

Схема 3

1. Бурдьё Пьер. Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007, С. 87–96.
2. Важенин Е. С. Мировоззрение как когнитивный механизм // Аналитическая культурология. Вып. 2. 2012. URL. www.analiculturolog.ru
3. Гуссерль Эдмунд. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Наука : Ювента, 1998.
4. Келле В. Ж. Духовность и интеллектуальное начало культуры (заметки) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. институт культурологии. М. : Академический Проект; РИК, 2005. С. 125–137.
5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. 2-е изд., испр. М. : Смысл : Альпина нон-фикшн, 2011.
6. Секацкий А. Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспарации). Исследование. СПб. : Изд-во К. Тублина, 2012.
7. Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты // Мир культуры и культурологии: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск III. СПб. : Изд-во христианской гуманитарной академии, 2013. С. 78–87.
8. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое литературное обозрение, 2010.